

чало жизни, которое не есть тѣло, но живетъ въ тѣлѣ человѣка».

И далѣе еще опредѣленнѣе:—«Если же человѣкъ знаетъ Бога, то знаетъ и законъ Его. Законъ написанъ въ самой жизни, въ судьбѣ человѣка. *Если человѣкъ умомъ можетъ и не знать этого закона, то не можетъ его не чувствовать*».

Но позиція борца, воинствующаго проповѣдника заставляетъ обращаться къ союзнику Разуму, требуетъ внѣшняго уясненія истины, требуетъ полнаго опредѣленія теоретической позиціи. И писатель здѣсь совершенно упускаетъ изъ виду тѣ «смутные отвѣты въ глубинѣ души», о которыхъ самъ неоднократно говорилъ.

Наоборотъ, мы отъ него услышимъ, что «Истинная вѣра никогда не бываетъ неразумна и свойствами ея не можетъ быть сверхъестественность и бессмысленность».

И упуская изъ виду, что несомнѣнность внутренняго знанія показана имъ какъ данная въ озареніи, въ экстазѣ, въ блаженномъ сумасшествіи трехъ старцевъ, въ необъяснимой гармоничности «круглаго» сознанія Платона Каратаева, въ ароматѣ Евангельской любви, которой живы люди, Толстой опредѣляетъ жизненный долгъ человѣка, исходя отъ основъ внѣшне логическихъ, данныхъ разуму, находящемуся въ согласіи со всѣмъ міромъ.